

© 2013 г. Б.И. Буйло

УДК 101

Н. БЕРДЯЕВ И ЕВРАЗИЙЦЫ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПОЗИЦИЙ

Свое отношение к евразийцам Н. Бердяев сформулировал в специально посвященных им статьях: «Евразийцы» (1925) и «Утопический этатизм евразийцев» (1927). Кроме этого, оценка евразийства дается Бердяевым и в других его работах. Основное положительное значение евразийства, по мнению Бердяева, состоит в том, что это по существу первое и «единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде, и направление очень активное. Все остальные направления, «правые» и «левые», носят дореволюционный характер и потому безнадежно лишены творческой жизни и значения в будущем» [1].

Евразийцы смогли преодолеть в себе личные обиды и сословно-классовые предрассудки, они признали русскую революцию с «ее перераспределением социальных групп» и собственности свершившимся фактом, и согласились работать в послереволюционной России. Евразийцы не демократы, а народники; поэтому они согласны идти вместе с народом, даже если он заблуждается, чтобы постепенно возрождать в нем подлинную правду жизни.

Они защищали честь и достоинство русского народа от поругания, которому он подвергался не только со стороны европейских, но и оказавшихся на Западе русских людей. «Верхний слой русского общества, пораженный революцией, – писал Н. Бердяев – согласен денационализироваться и перестать считать себя русским. Такой реакционно-интернационалистической настроенностью слой этот доказывает свою давнюю оторванность от русской почвы и от духовных основ жизни русского народа» [1, с.293]. Евразийцы, подчеркивал Бердяев, сумели увидеть антигуманную, захватническую природу европейского капитализма, особенно четко проявившуюся в мировой войне.

Они справедливо отмечали опасность капитализации России, но понимали ее в основном только в плане европеизации, не замечая, что современный

капитализм опасен и для народов Европы. Евразийцы хотели противопоставить Россию и все человечество Европе, но они не понимали, что времена существования национально-замкнутых образований ушли в прошлое.

Сегодня все народы живут в едином мировом пространстве, их сближение и объединение неизбежны. Враждебность процессу объединения, замыкание в своих границах может только затормозить развитие народа и сделать его неспособным на равных общаться с соседями. Поэтому опасность для России состоит не в самом объединении Запада с Востоком, а в том, чтобы оно не превратилось в процесс поглощения одного другим.

Любое замыкание и отгораживание, отмечал Бердяев, будет объективно способствовать именно этому. «Евразийцы – подчеркивал он – хотят остаться националистами, замыкающимися от Европы и враждебными Европе. Этим они отрицают вселенское значение православия и мировое призвание России как великого мира Востока-Запада, ... Они хотят, чтобы мир остался разорванным, Азия и Европа разобщенными, т.е. они в сущности антиевразийцы» [1, с.294]. Выход России в мировую ширь, объединение ее с Западом не означает обязательной европеизации России, это может быть наоборот, процесс ее духовного влияния и вклада России в европейскую и общечеловеческую культуру.

Именно так раскрывается предназначение России в русской идее и понимается идея всеединства в Православии. Последнее воспринимается евразийцами также неадекватно его природе. «Остается впечатление, – писал Н. Бердяев – что для евразийцев православие есть прежде всего этнографический факт, фольклор, центральный факт национальной культуры. Они берут православие извне, исторически, а не изнутри, не как факт духовной жизни, вселенский по своему значению» [1, с.296]. Православие евразийцы понимали и принимали в основном как «бытовое исповедничество».

Они были правы, утверждая, что культура всегда национальна. Но из этого евразийцы, вслед за Данилевским, сделали неверные выводы об отсутствии общечеловеческих основ культуры. В своих наиболее высоких и подлинных достижениях все национальные культуры универсальны и сверхнациональны. Евразийцев пленяет туранский элемент в русском характере. Азиатское, татарское им намного ближе европейского, в том числе и славянского.

Московская Русь, для евразийцев – это крещеное татарское царство. «Можно вполне согласиться с тем, – подчеркивал Н. Бердяев – что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской» [1, с.297]. Евразийцы не понимают, что русские остались именно русскими, а не татарами или туранцами благодаря русской вселенской христианской идее, которая сформировала своеобразно-русский духовный тип человека.

В своем непринятии западной культуры евразийцы согласны объединиться с нехристианами Азии и Африки против христианского Запада, что является явным извращением Православной традиции. Бердяев специально отмечал, что в данном случае он имеет в виду чисто религиозный аспект, так как в плане критики империалистической политики западных государств он с евразийцами полностью согласен.

Бердяев подчеркивал, что со многими евразийцами он поддерживал личные связи и контакты. «С евразийцами – писал Н. Бердяев в «Самопознании» – у меня были личные отношения, и они ко мне относились хорошо, искали во мне поддержку от нападений старой эмиграции... Они примирились с тем, что произошел социальный переворот, и хотели строить новую Россию на новой социальной почве. Это была моя мысль, и я, вероятно, в этом отношении оказал некоторое влияние» [2]. Но несмотря на это влияние по многим, в том числе принципиальным вопросам, между евразийцами и Бердяевым имели место существенные различия.

Евразийцы государственники, они считали, что совершенное государство должно охватывать все сферы жизни. В своем развитии оно соединяется с Церковью и культурой, формируя подобранный правящий слой и государственную идеологию. Евразийцы называют это идеократией.

В их представлении сильным могло быть только совершенное государство и в этом они, по мнению Бердяева, сильно заблуждались. «На старой земле – отмечал он – государство должно быть ограниченным, оно не может быть совершенным, ибо совершенство есть преодоление и отмена государства, и остается в силе правда дуализма, который отражает греховность нашей природы, но вместе с тем охраняет свободу, личность и различие между тем, что есть, и

тем, что должно быть. Государство должно быть сильным, но должно знать свои границы... Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающегося никакой организации. Государственный абсолютизм есть язычество, есть древняя восточная и римская идея» [3]. Христианство ограничивает власть государства над духовной сферой.

В своем стремлении изменить жизнь путем построения совершенного и сильного государства евразийцы фактически порывают с православной славянофильской традицией и, сами того не замечая, становятся на путь европеизации и американизации России. Именно Европе всегда была свойственна любовь к государству, организации и сильной власти. «Евразийцы совершенно правы – писал Н. Бердяев – в своей идеологической борьбе против индивидуализма и формального либерализма, которые разложились и принадлежат отмирающей эпохе» [3, с.305]. Но они не замечают, что идея сильной власти и диктатуры является ни чуть не менее европейской, чем идея либерализма. Эти идеи не имеют ничего общего с идеологией Москвы как Третьего Рима, в которой сила была в первую очередь следствием духовных начал.

Евразийцы различают понятия коммунизма и большевизма, рассматривая первое результатом заимствования западной теории – марксизма, а второе – следствием во многом неосознанной реализации народных инстинктов и традиций. Поэтому они в принципе согласны сохранить большевистскую власть в России, но при условии замены в ней коммунистической идеологии на евразийскую.

Попытки «освободить» большевизм от коммунизма, отмечал Бердяев, предпринимались и в начале русской революции. «В первые годы революции – писал он – рассказывали легенду, сложившуюся в народной среде о большевизме и коммунизме. Для народного сознания большевизм был русской народной революцией, разливом буйной, народной стихии, коммунизм же пришел от инородцев, он западный, не русский и он наложил на революционную народную стихию гнет деспотической организации, выражаясь по ученому, он рационализировал иррациональное» [4]. Бердяев подчеркивал, что массовое народное сознание вполне могло не заметить органической связи между практикой большевизма и его коммунистической теорией, но странно, что этого не увидели евразийцы.

Возникновение большевизма, как политического движения, было обусловлено созданным Лениным русифицированным вариантом марксизма, без которого большевизм был бы невозможен. Евразийцы считали, что большевики навязывают русскому обществу западное учение – марксизм, но в этом они, отмечал Бердяев, частично заблуждались. Ленин, писал он, действительно взял за основу созданного им революционного учения – марксизм. Но ему пришлось его кардинально переработать с учетом специфики России.

В результате фактически было создано самостоятельное учение, учитывающее культуру и традиции русской жизни. Именно поэтому большевики и смогли подчинить себе массы, чего не удалось сделать «белому» движению. В народе, созданный Лениным русский марксизм, стал восприниматься как возрождение многовековой традиции построения государства на принципах правды и социальной справедливости.

Русификация марксизма фактически и состояла в том, что в превращенном виде он стал нести в себе русскую идею. Этого, писал Бердяев, евразийцы не поняли. Исследуя идею, лежащую в основе единства народов Евразии, они отмечали, что с момента возникновения Московской Руси это была идея Православия. Начиная с Петровской России на первый план постепенно, особенно в верхах, выдвигается идея русской государственности и империи, но на бытовом уровне единство продолжает сохраняться благодаря Православию.

В Советской России князь Трубецкой определяет «объединяющий фактор» Евразии – СССР как стремление к определенному социальному идеалу». Однако поскольку содержание этого идеала составляет западное учение – марксизм, то он не может быть основой русской идеи. Поэтому как объединяющий фактор этот идеал функционирует лишь временно. В долгосрочной перспективе каждый народ Евразии может при желании строить у себя социализм самостоятельно.

Вышеуказанные взгляды евразийцев, по мнению Бердяева, показывают их непонимание того обстоятельства, что в русифицированном Лениным марксизме образ социалистического государства, в превращенной форме, воспроизводит идею Царства правды, загнанную в глубины народного подсознания со времен религиозного раскола. Этот справедливый социальный идеал нельзя строить каждому евразийскому народу по отдельности, т.к. фактор единства

выступает неотъемлемой стороной его реализации в жизнь. Лишь соединившись в единой вере, народы России сообща могут строить справедливое общество. Каждый в отдельности может построить только общество несправедливое.

Вера в социализм, отмечал Бердяев, в этом случае выступала извращенным, приземленным вариантом веры в Бога. Православная идея всеединства здесь в превращенном виде реализовалась в качестве интернационала для всех народов России.

Народы Евразии, таким образом, объединились на основах общей духовной близости, у них одна цель и один способ ее достижения. Враждебное капиталистическое окружение только усиливало это единство. Москва впервые, писал Бердяев, действительно становится Третьим Римом, демонстрируя всему человечеству пример объединения народов на базе общей социальной идеи.

И это, по мнению Бердяева, вполне согласуется с призывом России, реализацию которого не смогла остановить даже вторая мировая война. «Трагедия, – писал он в 1944 году – переживаемая ныне Россией, не должна закрывать от нас русской идеи, которую мы призваны поведать миру. В идее этой нет никакой национальной исключительности. Жажда подлинного онтологизма, подлинно сущей жизни свойственна всей русской жизни. Мы не довольствуемся на вершинах нашего сознания, культурой, мы понимаем, что культура не есть еще сама сущая жизнь, и хотим самой сущей жизни. Мы хотим, чтобы было что-то, а не о чем-то» [5].

Ленин, отмечал Бердяев, создавал свое учение в первую очередь для решения общероссийских задач, но с претензией на их мировое значение. В связи с этим в предложенном им русском марксизме не было замыкания на какой-то одной национальной культуре. В этом учении обосновывалась имманентно присущая сознанию народов России установка к реализации идеи равенства и идеала правды.

Поэтому оно, теоретически обосновывая построение общества на основах национального равенства и принципах социальной справедливости, органически вошло в качестве имманентно присущего элемента в структуру духовной жизни всех евразийских народов, заняв положение своего рода идеологического центра, к которому стали тяготеть культуры народов России. Объективно как мировые, так и национальные религии вступали с ним в конфликт лишь тогда, когда они сами претендовали на роль социальных учений.

Таким образом, народы прежней России консолидировались на базе провозглашенной социалистической идеи. Как и Московское Царство в отношении к святой Руси, советская действительность, естественно, была очень далека от декларируемых ею принципов, но людей объединяло стремление к их реализации и общая вера, которые поощрялись и идеологически поддерживались руководством страны.

То что разработанное Лениным учение содержало в себе в превращенном виде русскую идею, не увидели, по мнению Бердяева, не одни евразийцы, но и большинство членов левых движений и западных компартий. Его распространение в мире фактически означало усиление влияния не только коммунистической, а и вполне конкретной, хотя и превращенной, русской идеи, т.е. в конечном итоге России.

С этим положением согласен и один из основателей западной, в частности американской, социологии П. Сорокин, эмигрировавший из советской России в начале 20-х годов. «В любой стране, – подчеркивал он – включая наиболее антикоммунистические и антисоветские, она [Россия после Октябрьской революции – Б.Б.] имеет значительную «пятую колонну», состоящую из групп и лиц, впечатляющих своей энергией, фанатизмом и враждебностью. Даже интеллектуально масса ее приверженцев выше рядового «буржуазного населения» [6]. П. Сорокин писал эти строки в 1950 году, когда он в целом негативно относился к русской революции, но при этом он вынужден был признать, что именно благодаря ей Россия – СССР смогла стать сверхдержавой, распространившей свое идеологическое, а с ним и политическое влияние на большую часть мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А. Евразийцы* // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
2. *Бердяев Н.А. Самопознание* [Опыт философской автобиографии]. М., 1991.
3. *Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев.* // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
4. *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1990.

5. *Бердяев Н.А.* Типы религиозной мысли в России // Николай Бердяев Собр. соч. Т.3. PARIS: YMCA-PRESS. 1989.
6. *Сорокин П.А.* Страницы из русского дневника // Рубеж. 1992. № 2.
7. *Буйло Б.И.* Кризис современного христианства в социальной философии Н. Бердяева // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 28-31.

REFERENCES

1. *Berdyayev N.A. Eurasians* // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow, 1993.
2. *Berdyayev N.A. Self-knowledge* [Experience philosophical autobiography]. Moscow, 1991.
3. *Berdyayev N.A. Utopian statism Eurasians.* // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow, 1993.
4. *Berdyayev N.A. The Origin of Russian Communism.* Moscow, 1990.
5. *Berdyayev N.A. Types of religious thought in Russia* // Berdyayev Coll. Op. V.3. PARIS: YMCA-PRESS. 1989.
6. *Sorokin P.A. Pages from the diary of Russian* // Frontier. 1992. Number 2.
7. *Buylo B.I. The crisis of modern Christianity in the social philosophy of Berdyayev* // Humanities and social and economic sciences. 2009. Number 2. S. 28-31.

Московский государственный

университет путей сообщения. г. Москва, Россия

17 мая 2013 г.